

УДК (130.2+17+331.101.3):316.32

УРОКИ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЭТИКИ В УСЛОВИЯХ ПОСТКАПИТАЛИЗМА

Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются причины изменения отношения к труду, основы которого были заложены в протестантской этике и проанализированы М. Вебером. В конце XX – начале XXI в. в Западной Европе и на постсоветском пространстве складывается и идеологически поддерживается пренебрежительное и враждебное отношение к труду как постыдному и даже преступному занятию. Оно адресовано не столько к индивиду, сколько к совокупной деятельности трудящихся, в которой создаётся производительная сила общества. Подобная логика ставит под вопрос перспективы развития посткапитализма как общественной системы. Авторами показано, что опыт советской системы и социалистической экономики встраивается в современную организацию процесса создания жизненных материальных благ, требующего кооперации реальных производителей – людей труда. Рефлексия ментальных форм эпохи становления капитализма побуждает к анализу перспектив социума, которые зависят от способности человека определять собственное отношение к труду. Последнее лежит в основе, несомненно, завершающегося модерна и предстоящего постмодерна (“after-postmodern”).

Ключевые слова: протестантская этика, посткапитализм, отношение к труду, две редакции класса, перспективы современного общества

Когда ставишь задачу ухватить суть некоей эпохи, целесообразнее, пожалуй, сконцентрироваться не на определяющих её социальных и идеологических конструкциях, а на отринутых этой эпохой и продолжающих её преследовать призраках, тех, что населяют таинственные области несуществующими сущностями, настойчиво продолжающими действовать.

С. Жижек

Круглые даты в истории революций побуждают возвращение мысли к анализу их содержания и результатов. Более того, разбор соответствующих фактов предполагает изучение глубинных процессов, уходящих от прямого взора исследователя, но серьёзнейшим образом меняющих психологию и характер субъектности участника этих событий. Если принять одно из определений социальности как отношения к общественному отношению или пересечения сознания и события (см. [1, с. 71–72, 122, 173, 177, 185, 207]), то станет ясно, что ментальные

сдвиги опосредованно, но серьёзно воздействуют как на возможность исторического субъекта действовать сообразно своим целям, так и на способ определения этих целей, а значит, влияют на историю, которая, по Марксу, «есть не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [2, с. 102]. Такую революцию в сознании Западной Европы произвела Реформация, точнее принятие протестантской версии христианства. Последствия этого процесса гениально проанализировал немецкий социолог и экономист Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» (*Die protestantische Ethik und der "Geist" des Kapitalismus*, 1905) [3]. Суть этого переворота – изменение отношения к труду под влиянием протестантизма.

Связать развитие капитализма с последствиями Реформации – это довольно неожиданный, хотя в чём-то традиционный ход для социального дискурса. Но если английская политэкономия соединяет возможности накопления капитала с нравственными качествами, такими как трудолюбие, моральное поведение, бережливость, понимаемыми чрезвычайно абстрактно, то Вебер обнаруживает интересную особенность: представители разных конфессий неодинаково относятся к труду. И только протестантская религия формирует отношение к труду как важнейшей форме служения Богу. После средневекового взгляда на труд как проклятье и божье наказание на подъёме раннего капитализма начинает формироваться другое понимание значения труда в жизни человека (пусть пока в горизонте служения), а за этим следует и осознание его неотъемлемой от природы человека и непреходящей ценности.

Надо сказать, что ещё раньше для ряда теоретиков (и не только для них) труд превратился из элементарного процесса смены формы природного вещества в важнейший источник общественного производства. Эти процессы, например, последовательно описываются К. Марксом. В данном случае речь идёт не о его «Капитале», а об «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», точнее разделе «Отчуждённый труд» [4], где описано самое пагубное последствие развития антагонистического общества – отчуждение человека от труда, что как раз и выражается в оценке последнего как проклятья и в стремлении преодолеть, сбросить бремя труда с человека. Но М. Вебер фиксирует своё внимание на том, что смена отношения к труду уже происходила в сознании под влиянием протестантизма, производилась медленно, подспудно. Эта перемена связана с развитием капитализма, его начальной, ранней стадией. Обществу понадобились люди, готовые к риску, умеющие считать деньги и время, инициативные, как сейчас принято говорить, креативные. При этом заметим, что капитализм бурно развивается прежде всего в Англии – стране победившего протестантизма. Труд постепенно стал мыслиться как источник всякого богатства (А. Тюрго), как богоугодное занятие, а профессия – как божественное призвание и предназначение человека. Главный культурный герой этого периода – Веберов персонаж с карандашом в руке – должен был просчитывать весьма точно, какую часть своей прибыли следует направить снова в производство. Значит, ему необходимо быть бережливым, но не скупым. Важно, что это не растратчик-аристократ, а созидатель. Как известно, в ситуации раннего, поднимающегося капитализма рабочий и предприниматель не находятся ещё на разных социальных полюсах, напротив, именно вместе они и составляют так называемое третье

сословие. На заре капиталистического общества в Европе на почве протестантской идеологии вырастает признание значимости любого трудящегося человека (ведь каждый – второй после Бога) и труда вообще. Такой подход к человеческому труду имел и в истории, и в философии далеко идущие последствия: труд виделся теперь не только как источник жизненных благ, но и как клеточка, определяющая генезис всех общественных отношений, образующая структуру общественного бытия. Труд стал предметом пристального внимания учёных и философов и получил своё осмысление в категориях не только экономики, но и социальной философии. Так, К. Маркс открыл в труде истоки абстрактного мышления как основной особенности человеческого сознания, обнаружил источник генезиса эстетического и нравственного чувства [4, с. 93–94; 5, с. 189–190]. Достигаемая в человеческой деятельности способность подходить к каждому предмету с его собственной мерой (только в труде человек действительно есть мера всех вещей) научила человека действовать по законам красоты.

Труд как категория социальной философии в марксизме обрёл черты романтичности, поэзии, одухотворённости. М. Вебер делает следующий ход, анализируя обратное влияние сознания на труд, существующий в формах вещи, то есть результата, и в формах деятельности, в которой момент целеполагания, что носит сознательный характер, играет центральную роль. Да, конечно, именно в марксизме появилась формула: революция началась в голове философа (о Гегеле и Великой французской революции), как когда-то в голове монаха (Мартин Лютер и Крестьянская война в Германии). Ф. Энгельс пишет про два крыла духовенства – аристократическое и плебейское, которые сформировали основу раскола католицизма. Но всё же они не анализировали само влияние на сознание христианина лютеровского «На том стою!»

Конечно, ценности протестантской этики были исследованы далеко не только М. Вебером. Ещё раньше они были осмыслены Гегелем. Достаточно вспомнить кожевское прочтение его трудов, которое выстроило совершенно неожиданное для всей классической философии определение бытия: истинное бытие человека есть его действие [6, с. 703].

Идея ценности труда в преобразованном виде была унаследована социалистическим обществом, основой которого выступали также трудящиеся классы, и главным из них считался пролетариат. Социалистическая идеология подхватила комплекс идей Тюрго – Маркса – Вебера и возвела труд и трудящегося человека на небывало высокий пьедестал.

Социалистическое общество стало той «освобождённой территорией», на которой труд воспринимался как важная жизненная ценность. Он приобрёл характеристики подлинного бытия: это было самое простое и ближайшее к человеку, то, что виделось для него совершенно нормальным и естественным. Казалось, этот поворот сознания необратим.

Однако уже во второй половине XX в. стали появляться тревожные симптомы изменения отношения к труду в мироощущении среднестатистического западноевропейца. Эти симптомы были связаны с успехами научно-технической революции, в результате которой большие массы трудящегося населения передовых стран оказались за пределами производственных процессов.

Сегодня ситуация с трудом многократно усложняется. Самое главное, мы видим: меняется отношение к труду, возвращается пренебрежительное, а иногда и просто враждебное отношение к нему. Труд представлен в ощущении нынешнего западноевропейца как нечто низменное, гадкое, постыдное и даже преступное. При этом важно понять, насколько это отношение формируется естественно, самим усложнённым производством, выводящим часть населения за рамки непосредственно созидательной деятельности, что прогрессирует в обществе потребления, а насколько это идеологически провоцируемое отношение. О последнем позволяет говорить реальность современного искусства, например кинематографа. Так, словенский культуролог и социальный философ С. Жижек, изучая шедевры западноевропейского кинематографа, приходит к интересным выводам. По его мнению, посткапитализм культивирует весьма странное отношение к труду: «Однако самым важным в этом отождествлении труда с преступлением является мысль о том, что работа, тяжёлый труд *изначально является непристойной криминальной деятельностью, которую следует скрывать от общественного взора*» [7, с. 89]. Вывод делается на анализе популярных фильмов про Джеймса Бонда, где, к примеру, совместным физическим, требующим от большого коллектива значимых усилий трудом занимаются втайне от остального человечества, и направлен этот труд на создание какой-либо гадости для всего человечества: бомбы, которая взорвёт весь мир; бактериального оружия, которое уничтожит человечество, и т. п. Таким образом, труд связывается с разрушением, а человек труда (пролетарий) представляется врагом всего человечества. Конечно, это образ деромантизированный, депозитизированный, вывернутый наизнанку. Здесь нет труда как счастья, как жертвы, как самосозидания.

Итак, мы сталкиваемся с возвращением средневекового отношения к труду, но на новом уровне, поскольку теперь это презрение сознательно идеологически адресуется не индивиду, а коллективу, трудящимся массам. Эта разница очень значима. Чем ближе к нашим дням, тем больший экономический эффект создаётся не индивидуальной, а массовой или общественной производительной силой. Осмеянию с целью дискредитации подвергается класс производителей, которыми теперь уже являются только и именно пролетарии (в широком смысле слова), так как поляризация между трудом и капиталом достигла предельных форм: держатель капитала уже сам непосредственно не участвует в производстве, он нанимает управленческий персонал, который выполняет функцию, что в классический период развития капитализма выполнял сам капиталист.

Что делает капитализм посткапитализмом? Сверхприбыли, дающие возможность классу предпринимателей полностью оплачивать индивидуальные затраты труда отдельных наёмных работников. Неоплаченной остаётся только массовая или общественная рабочая сила коллектива или совокупного работника, представленная в виде живого, а также прошлого труда. Последнее важно потому, что прошлый труд опредмечен в технике и высоких технологиях, созданных отнюдь не одиночками и приводимых в движение тоже не индивидуумами, а армией работников, довольно часто невидимой. Например, современное (много)серийное производство абсолютно простых вещей вроде одноразовой пластиковой посуды скрывает за непосредственным производителем массу общественного интеллекта, технической грамотности, высокого инженерного

профессионализма создателей технологий и аппаратуры. Колоссальные и сложно переплетённые цепочки современных производственных процессов, косвенные и многократно опосредованные связи между отдельными частями (фрагментами, органами) «совокупного рабочего» снова и снова приводят к тому, что общественная производительная сила растёт. Она-то и является основным источником сверхприбылей современных корпораций. Её-то и нужно скрывать от самих участников процесса. А в тех немногих случаях, когда эта общественная производительная сила современного производства выходит на поверхность и становится эмпирически наблюдаемой (например, в реализации крупных промышленных проектов, космических программ и т. д.), когда моменты буквально, непосредственно совместного труда невозможно скрыть, их можно закамуфлировать, направив в их сторону острие иронии, сарказма, что позволяет представить совместный труд как нечто малозначимое, неважное, даже постыдное, продолжая формировать у человека психологию потребителя благ, возникающих будто из воздуха. Что, кстати, *уводит глаз наивного исследователя от этого источника сверхприбылей.*

Итак, в сознании европейца в конце XX – начале XXI в. налицо долютеровское, средневековое отношение к труду, но только на новом уровне. Формируется презрение к классу трудящихся. Почему так получилось? Как известно, в Средние века высшие классы общества могли выказывать своё презрение трудящимся, но обойтись без них не могли. Отсюда вся специфика средневековой народной смеховой культуры материально-телесного низа. «Простец» (У. Эко) прекрасно знает, что представляет собой низ, руки, ноги, брюхо этого общества, но его социальный инстинкт подсказывает ему простую вещь: верх без низа не бывает, голова не живёт без туловища, рук и ног. В современном обществе вся система наукоёмких и высокотехнологичных производств создаёт иллюзию свободы от преобразующей деятельности. А эксплуатация по сути феодального принципа ренты капиталом (по преимуществу банковским, финансово-олигархическим) усугубляет это отношение, провоцируя своеобразные процессы феодализации цивилизации.

Предлагаем посмотреть на процесс несколько иначе, причём оставив обличительный пафос в стороне. Первый вопрос заключается в следующем: как (и если) влияет изменение (возвратное) отношения к труду на перспективы самого капиталистического общества? Ведь мы начинали с того, что именно протестантский поворот создал одно из условий для формирования первоначального капитала. Второй вопрос: как в современную ситуацию встроен опыт (экономический, социальный) советской истории, социалистической экономики, сделавшей в условиях индустриального общества большие успехи, которые были вынуждены признавать даже оппоненты социализма? Оба вопроса суммируются в третьем: каковы перспективы современного общества в целом?

Мы прекрасно понимаем, что можем сейчас лишь обозначить проблему и предложить некоторый (пусть субъективный) алгоритм её решения. Думается, это сегодня важно как в теоретическом, так и в практическом плане.

Итак, отношение к труду. В этом пункте, кстати, К. Маркс и Ф. Энгельс, с одной стороны, и М. Вебер – с другой, поменяются местами. Последний, рисуя «человека с карандашом в руках», пишет о персонаже, что в логике его

построений проходит путь от личности до абстрактного индивида и идеального типа, который, следуя определению самого автора, «носит характер утопии, полученной посредством мысленного усиления определённых элементов действительности» [3, с. 389]. Это, конечно, средство усмотрения определённого ракурса феномена, а точнее оптика усмотрения того, что предположили или увидели краем глаза и теперь хотим удостовериться в истинности этого образа. В результате М. Вебер видит картину мироощущения нововременного европейца как тотально ментальный тип абстрактного протестантского толка.

Однако уплощение предмета – плохой помощник в разработке теории. К. Маркс и Ф. Энгельс оказываются более гибкими и корректными в оценках. В работе «Крестьянская война в Германии» (1850) Ф. Энгельс пишет: «Духовенство распадалось на два совершенно различных класса. *Аристократический класс* составляла духовная феодальная иерархия: епископы и архиепископы, аббаты, приоры и прочие прелаты. <...>

Плебейская часть духовенства состояла из сельских и городских священников. Они стояли вне феодальной иерархии церкви и не имели доли в её богатствах... Им как выходцам из бюргерства или плебса были достаточно близки условия жизни массы...» [8, с. 351–352]. По сути дела, он говорит о двух субстанциях класса. При этом понятно: аристократическая часть духовенства (тем более, что здесь – католического) вряд ли сумела бы воспринять дух протестантского отношения к труду. Вероятно, и второе, отражённое отношение к труду должно было сохраниться (о чём свидетельствует, кстати, тот же упомянутый нами выше «Отчуждённый труд» К. Маркса).

Таким образом, в ситуации современного парада невыработанных исторических форм могли и даже должны были актуализироваться как положительные моменты отношения к труду, так и негативные его стороны. Это проявилось в двух ипостасях одного и того же трудящегося класса (пролетариата). Любой класс – и пролетариат не исключение – имеет две, как их назвал М.А. Лифшиц, редакции: светлую и тёмную, теневую (см. [9]). В последней сконцентрированы черты его наёмности. Представитель этой редакции не видит никаких общественных результатов своего труда, не знает его социально значимой цели. Поэтому свои цели он формулирует и реализует далеко за пределами самого процесса общественного производства. Здесь же он просто зарабатывает средства на жизнь. Получается, что такой человек проходит все описанные К. Марксом стадии-формы отчуждения труда. В итоге от него отдалается сама деятельность как субстанция, квинтэссенция человеческой жизни. Его *сущность* превращается в средство *существования*. Эта негативная редакция трудящегося класса характеризуется безразличием к общественным проблемам и судьбам, предельно низким культурным уровнем, доходящим до полного духовного обнищания и истощения. Экономически такой человек выступает как частичный индивид, придаток или продолжение технического средства. Его труд не требует высокой квалификации и затрат интеллекта, в лучшем случае лишь изматывающего напряжённого внимания. Такая ипостась трудящегося – реальная абстракция его положения как эксплуатируемого.

Вторая редакция пролетариата (трудящегося класса) представлена в его особенностях как революционной движущей силы исторического развития: он готов

к самостоятельной организации своего трудового процесса, способен к сознательной консолидации усилий, стремится овладевать достижениями мировой культуры, может стать квалифицированным сотрудником и субъектом производственной деятельности. Это во всех отношениях производительный класс, и для него производство «есть жизнь, порождающая жизнь» [4, с. 93].

Положительная редакция пролетариата прошла долгий путь становления: от революционных движений XIX в. в Западной Европе и России, от Первого Интернационала, рабочих кружков и коммунистических рабочих партий, через социалистические революции до создания социалистических государств, социалистического лагеря, до процессов социализации (зарождения и становления некапиталистических отношений) во всём мире. О таких пролетариях писали не только К. Маркс и Ф. Энгельс, но и Ю. Хабермас [10], например. Такая ипостась пролетариата как класса – не просто воплощённый социальный проект Маркса и Энгельса, но и тенденция развития самой социальной реальности. На пространстве советского (вполне реального) социализма, основой которого выступал наёмный класс пролетариев, даже в условиях почти тотального государственного найма, постоянно воспроизводилась логика превращения его наиболее сознательной и культурной части в класс рабочих. Именно рабочие на пространстве Советского Союза инициировали и создавали ячейки общественного производства, где каждый был сознательным со-хозяином какого-либо участка, элемента, звена. Свою светлую, позитивную редакцию пролетариату в некоторой степени удавалось реализовать на отдельных этапах становления социалистического общества.

Между тем средневековая традиция отношения к труду прошла сквозь целые эпохи – капитализма и социализма, сделав разницу между ними практически неразличимой. Логика Средневековья оказалась в чём-то даже более универсальной, нежели сам капитализм. Она запустила в современном обществе, особенно российском, процесс, на который раньше не обращали внимания. Речь идёт о преобразовании, которому трудно подобрать название: де-пролетаризация? элементаризация? пролетаризация пролетариата? Суть этого изменения состоит в усилении теневой, грубой «пролетарскости», которая предполагает в том числе безразличие или даже ненависть к своему труду как полную неспособность присвоения человеком своей сущности хотя бы в превращённой форме.

Своеобразный процесс трансформации отношений в системе «труд – капитал» получил осмысление в работах К. Лэша [11], У. Бека [12], С. Хантингтона [13]. Лэш и Бек говорят о появлении новых средств поддержания отношений неравенства – об исключении определённых групп населения из некоторых сфер деятельности. Интересный нюанс: если Маркс заявляет о том, что в системе «разделение – кооперация труда» создаются условия для *закрепления* определённых сфер деятельности и производства за той или иной группой людей, что закрывает им доступ к другим областям, в том числе политическим, то в логике Лэша – Бека речь идёт о более опасном явлении: об *исключении* групп населения из производственной деятельности вообще, то есть о создании путей отчуждения от труда. Более того, принцип исключения становится скрытым рычагом эксплуатации людей, включённых в производственные связи, но в любой момент могущих оказаться выведенными за их пределы. Разбирая подобные

метаморфозы на примере Бразилии [12, с. 51–52], У. Бэк указывает на глобальный характер процесса, назвав его бразилизацией [14, с. 276–278]. С. Хантингтон говорит о том, как ценности американского образа жизни (в том числе экономические) подвергаются коррозии под напором этнических меньшинств, представителей Латинской Америки (см. [13]). Конечно, в этом ключе у понятия «бразилизация» появляется другой смысл. Но нам важно не это: жители Латинской Америки преимущественно католики. Протестантская этика начинает подвергаться коррозии из-за натиска этики католической. В отечественной литературе о процессах бразилизации, в том числе в российском обществе, пишет В.Г. Федотова (см. [15, с. 22, 45, 399]).

Надо отметить, что марксистская традиция, в целом довольно обстоятельно анализировавшая феномен пролетариата, как оказалось, рассматривала в основном позитивную сторону пролетаризации, оставляя в тени обратную сторону процесса¹.

Справедливости ради скажем, что у такого подхода были свои резоны: советская философия исследовала феномен в ситуации существующего социалистического общества, в котором условия для развития протестантского/веберовского отношения к труду не только существовали, но и активно идеологически поддерживались. Сегодня, когда социализм стал страницей истории², обратная сторона стала очевиднее. Однако (и это второй вопрос) можно ли говорить о том, как, в каком виде в реалиях современной жизни присутствует (и присутствует ли?) опыт социализма? Мы сейчас не будем говорить о проблемах экономики, о том, что, как и в начале XX в., по мысли В.И. Ленина, Россия (а именно – крестьянство) страдает не столько от капитализма, сколько от недостатков его развития [18, с. 320].

Вернёмся к веберовскому человеку. Он, конечно, субъект, личность в социально-философском смысле. Но он ещё и несёт печать картезианского субъекта. Это субъект-индивид, который, развиваясь, может стать выражением как субстанциального индивида, так и абстрактного, реальной абстракции процесса труда, обезличенной функции производства. И благоговейное отношение к труду складывается именно как к моему труду. Складывается в ситуации сложной, когда протестант осознаёт свою отдельность от общины, свою личностную представленность Богу. Служить Богу без надежды на спасение (в традиционном христианстве оно общинное, коллективное) трудно, трагично, так как безнадежность может стать реальностью. Поэтому и веберовский субъект – это человек риска, джентльмен удачи, одиночка в океане экономических страстей и это портрет предпринимателя, которого сегодня мы бы назвали представителем малого и среднего бизнеса.

Однако сегодня, в условиях, когда производство невозможно без самой широкой кооперации (экономической, технологической, социальной), предприниматель вынужден искать единомышленников в осуществлении своих планов и достижении конечного результата. Да, представители капитала объединялись

---

¹ Хотя, конечно, это тоже не совсем так. Блестящий анализ феномена пролетаризации дал в кандидатской диссертации В.Ю. Юринов [16]. Динамику двух редакций пролетариата при социализме проследила в статье «От чего мы уходим? Анатомия социализма в стиле “ретро”» Т.М. Шатунова [17].

² Это отнюдь не означает, что социализм навсегда ушёл в прошлое.

всегда. Уже на стадии индустриального классического капитализма свободной конкуренции создавались различные товарищества (вспомним, что и само слово «товарищ» является своего рода продуктом «товар»-ного производства). Но это были, скорее, тактические союзы в поисках властных инструментов защиты и укрупнения капитала. Объединение в начале XX в. – необходимая составляющая организации самого производственного процесса. Это особенно ярко проявляется в России, в условиях постсоветской экономики, когда все производственные связи были стихийно или осознанно порушены в 90-е годы, что привело отечественную промышленность практически на грань катастрофы (надеемся, что эта грань ещё не перейдена). Организация более-менее серьёзного производства ныне требует создания новых связей, кооперации реальных производителей именно как людей труда, равных в своих правах, ориентированных на результат этого труда. Не случайно при создании подобных объединений одним из главных является вопрос об авторских правах. Значит, в этом секторе экономики труд представлен как коллективный, добровольный, ценность которого не только признаётся сторонами, но и может (должна) быть обеспечена правами, закреплёнными юридически.

Наконец, третий вопрос – диагностируемые тенденции развития современного общества, тотально капиталистического по своей сути. Идея конца истории уже получила своё теоретическое опровержение как идеологический продукт американской доктрины глобализации. Хотим отметить, что в данном определении ни один из терминов не носит оценочного характера! Преодоление бинарности в логике гомогенизации обнаружило несостоятельность: это ход к социальной энтропийности, а следовательно, к смерти, чего при всей «эндистской» фразеологии не желает ни один идеолог ни одной из общественных сил. Значит, мы будем идти по пути углубления противоречий капитализма, обострения кризиса, выработки всех аспектов пролетарскости/буржуазности, которые проявляют себя как две стороны одной медали.

Развивающаяся ситуация (post-post) заставляет вернуться к критике пост-модерна Ю. Хабермасом и другими теоретиками. Да, модерн – незавершённый проект. Это очевидно, и вопросительный знак мы уже можем не ставить. Модерн ещё будет выковывать свои формы, невыработанные социальные возможности. Пока он не исчерпает себя, говорить о его финале нелепо. В этом смысле не закончилась и нововременная история сознания среднего европейца, так или иначе вынужденного определять своё отношение к труду и тем самым давать себе отчёт в том, насколько он хозяин своей жизни, субъект в отношениях с другими людьми, а главное, насколько он человек.

Литература

1. *Терещенко Н.А.* Социальная философия после «смерти социального». – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. – 368 с.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 2. – С. 3–23.

3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социологич. мысль Запада)
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1974. – Т. 42. – С. 86–99.
5. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – С. 189–190.
6. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля // Введение в чтение Гегеля. – СПб.: Наука, 2003. – С. 657–716.
7. Жижек С. Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие / Пер. с англ. В. Мазин. – М.: Худож. журнал: Прагматика культуры, 2003. – 178 с.
8. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 7. – С. 204–255.
9. Лифшиц М.А. Народность искусства и борьба классов // Лифшиц М.А. Собр. соч.: в 3 т. – М.: Изобраз. искусство, 1986. – Т. 2. – С. 245–293.
10. Хабермас Ю. Модерн – незавершённый проект // Вопр. философии. – 1992. – № 4. – С. 40–52.
11. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / Пер. с англ. Дж. Смита и др. – М.: Логос: Прогресс, 2002. – 220 с.
12. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Фёдоровой; Послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
13. Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2006. – 517 с.
14. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелника; Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
15. Федотова В.Г. Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
16. Юринов В.Ю. Пролетаризация как категория социальной философии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Казань, 2009. – 22 с.
17. Шатунова Т.М. От чего мы уходим? Анатомия социализма в стиле «ретро» // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 1999. – Т. 137. – С. 203–222.
18. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. – М.: Госполитиздат, 1958. – Т. 3. – 791 с.

Поступила в редакцию
25.05.16

Терещенко Наталья Анатольевна, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: tereshenko_tata@mail.ru

Шатунова Татьяна Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: shatunovat@mail.ru

Lessons of Protestant Ethics under Post-Capitalism Conditions*N.A. Tereshchenko*^{*}, *T.M. Shatunova*^{**}*Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*E-mail: **tereshchenko_tata@mail.ru, **shatunovat@mail.ru*

Received May 25, 2016

Abstract

This paper presents a reflection of the values of Protestant ethics singled out by M. Weber that have been transformed under the conditions of modern post-capitalism. The reasons for repeated changes in the attitude to labor during the history of the West European civilization are identified. Labor used to be treated as either curse or divine punishment in the Middle Ages. Protestant ethics defined labor as an important value of the human life. Hegel and Marx understood labor as the source of human life, abstract thinking, as well as aesthetic and moral feelings. In the late 20th – 21st centuries, the scornful and hostile attitude to labor as to shameful and even criminal occupation has developed in Western Europe and Russia. This attitude is addressed to the cumulative activity of workers creating the mass productive force of society rather than to the individual taken separately. This ideological move hides the bumper profit source of modern corporations from the naive researcher. Therefore, three questions arise:

- What influence does the returned hostile attitude to labor have on the prospects of capitalistic society?
- How does the economic and social experience of the Soviet history and economy, which was extremely successful under the conditions of industrial society, integrate with the modern situation?
- What are the prospects of modern society taken as a whole with this attitude to labor?

The following conclusions are made in search for answers to the above questions:

- 1) The hostile attitude to labor arouses negative characteristics in workers, which deepens the crisis phenomena of capitalism;
- 2) Organization of the modern production process demands cooperation of real producers as of labor-inspired people having equal rights to the result of labor, i.e., to the use of the socialist experience;
- 3) The prospects for development of the modern society are considerably determined by continuation of the history of consciousness of the Europeans, who must decide again on their attitude to labor and whether it should be the genuine subject of history.

Keywords: Protestant ethics, post-capitalism, attitude to labor, two divisions of class, prospects of modern society

⟨ *Для цитирования:* Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Уроки протестантской этики в условиях посткапитализма // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 4. – С. 1185–1195. ⟩

⟨ *For citation:* Tereshchenko N.A., Shatunova T.M. Lessons of Protestant ethics under post-capitalism conditions. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 4, pp. 1185–1195. (In Russian) ⟩